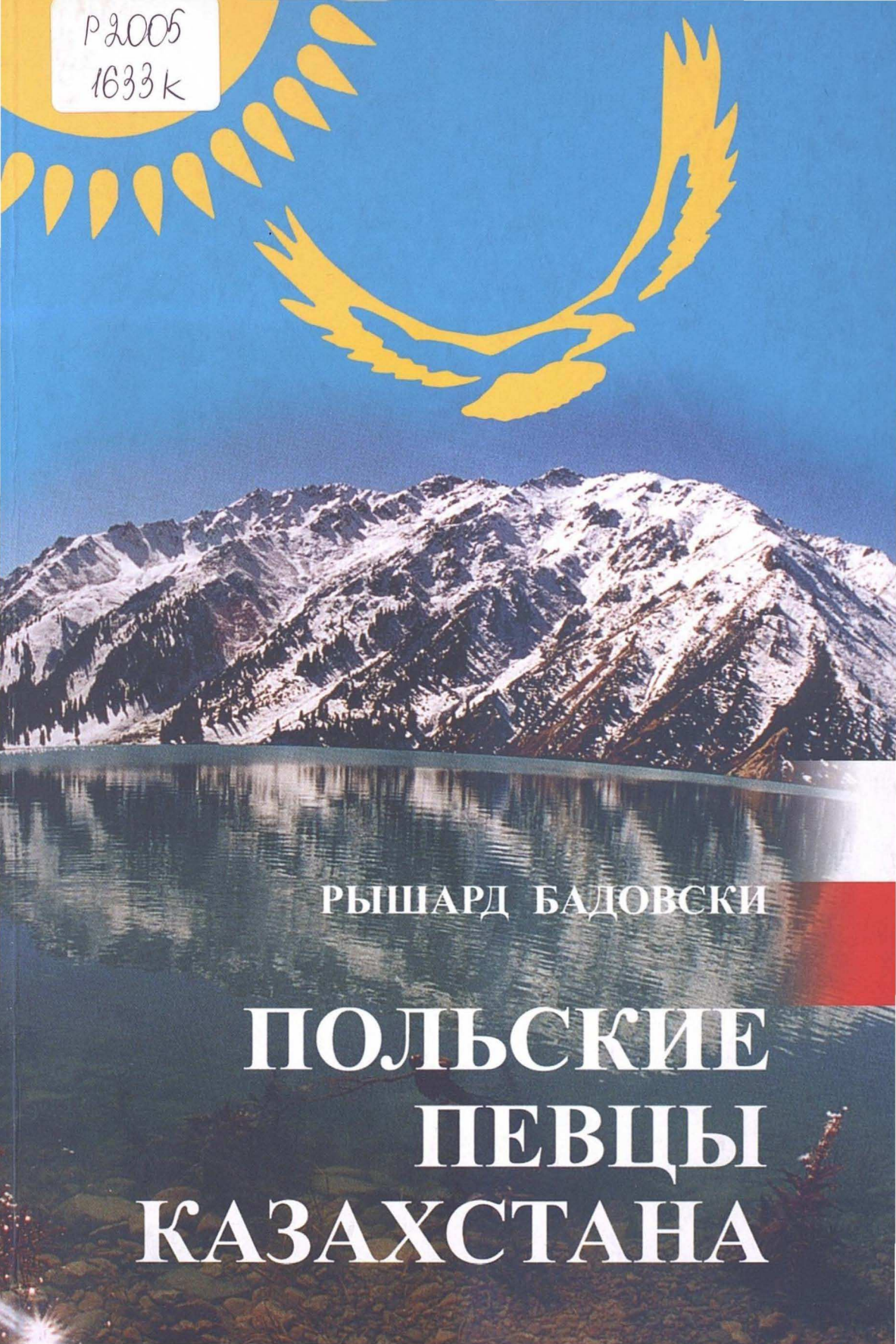


P 2005
1633 K



РЫШАРД БАДОВСКИ

**ПОЛЬСКИЕ
ПЕВЦЫ
КАЗАХСТАНА**

**ПОЛЬСКИЕ ПЕВЦЫ
КАЗАХСТАНА**

РЫШАРД БАДОВСКИ

**ПОЛЬСКИЕ ПЕВЦЫ
КАЗАХСТАНА**



Сотрудничество при издании: Ярослав Крет

Консультация: проф. Марек Гавенцки
Перевод: Тамара Мачеяк

Особая благодарность Варшавскому Литературному
Музею им. Адама Мицкевича за предоставление рисунков
из парижского альбома Бронислава Залеского
„La Vie des Steppes Kirghises” (1865)

© Copyright by Ryszard Badowski, 2002

Издательство I

совместное издание

J&J Decor
ул. Надменьска 14
05-230 КОБЬЛКА
Польша

Типография Пельплинской Епархии BERNARDINUM

Издательство II

Типография Пельплинской Епархии BERNARDINUM

83-130 Pelplin, ul. Впа Dominika 11
tel. (058) 536 17 57, fax (058) 536 17 26
e-mail: bernardinum@bernardinum.csc.pl
www.bernardinum.com.pl

Druk i oprawa: Drukarnia WDP „Bernardinum”

ISBN 83-7380-224-X

СОДЕРЖАНИЕ

Монах Бенедикт открывает Великую степь	7
В самой большой юрте, вокруг костра	15
Как казах с казахом	29
Вкус кумыса	39
Париж заглядывает в юрты	53
Разумом и молотком	67
Тысяча песен	81

МОНАХ БЕНЕДИКТ ОТКРЫВАЕТ ВЕЛИКУЮ СТЕПЬ

В начале XIII века Европа имела туманное представление о землях, лежащих к востоку от Каспийского моря. На картах этого периода было весьма точно обрисовано южное побережье Азии, разведанное арабскими путешественниками. Один из них, аль-Идриси, выбил в серебре для короля Сицилии Рожера II изображение этого континента. На нем были обозначены Уральский хребет и Гималаи. Что находилось за ними – не было известно. Там должны были простираться легендарные края Маджудж и Син. О них ходили легенды. Через перевалы Памира в Хорезм, Бактрию, Индию и Сирию со II века до нашей эры вел знаменитый Шелковый путь, по которому возили не только дорогие ткани, но и золото, драгоценности и благовония. Около VIII века тысячелетний торговый тракт замер. Конец его процветанию был положен завоеванием Азии тюркскими племенами. После них на границах Европы появились монгольские племена. Завоевали Русь, выслали вооруженные отряды далеко за польские и венгерские земли. Дошли до Силезии и берегов Адриатики. Смертельный страх охватил весь христианский мир.

После битвы под Легницей (1241 г.) папа римский Иннокентий IV решил разведать сердцевины Азии, откуда прибыли прекрасно организованные воины. С этой целью он послал к монгольскому хану дипломатическую миссию, в состав которой входили два монаха – итальянец и поляк. Джованни да Пиан дель Карпини (Giovanni da Pian del Carpine) перед нашествием татаро-монгольских войск был провинциальным настоятелем ордена францисканцев в Польше. Это он предложил, чтобы в далеком небезопасном путешествии его сопровождал монах Бенедикт, который вошел в историю как **Бенедиктус Полонус (Benedictus Polonus)**. О нем известно, что он родился около 1200 года в Великой Польше, а монашеский обет исполнял во Вроцлаве. Этим двум путешественникам мир обязан старейшим описанием земель, на которых в те времена жили предки современных казахов.

Экспедиция папских послов имела пионерское, переломное значение в истории европейских первопроходческих путешествий в неизвестные края, расположенные к востоку от Европы. Французский историк географии Л. Вивьен де Сен-Мартен (L. Vivien de Saint-Martin) писал, что „она является достойной внимания эпохой в истории географии Азии”, а ведущий английский историк географии К. Р. Бизли (C. R. Beazley) назвал ее „наиболее значительным путешествием”. Оба путешественника оставили отчеты о поездке по землям, расположенным за Уралом и Каспийским морем. Точный маршрут их путешествия определить трудно, так как они не располагали никакими картами, а территории, через которые они проезжали, в те времена носили другие географические названия. Тем не менее, можно восстановить его с большой долей вероятности.

Несомненно, посланцы папы римского обогнули северное побережье Каспийского моря, а затем какое-то время ехали по землям кангитов. Название Канга носила тогда река Сыр-Дарья, текущая из Ферганской долины в Аральское море.

В современном названии жителей долины Сыр-Дарьи есть отзвук памяти о могучем союзе племен, который здесь когда-то существовал. Они образовывали государство Кангюй, которое также называлось Кангдизом. Его жители участвовали в формировании казахского народа. Этот процесс завершился только в XV веке.

Этногенез казахов сложен. Они выделились из тюркских племенных союзов в XI-XIII столетиях. А значит, новая национальная общность начала складываться именно в то время, когда папская миссия к монгольскому хану пересекала Казахстан в его сегодняшних границах. Непосредственными предками казахов считаются кипчаки, которые завладели степями сегодняшнего Казахстана в XI веке. В Европе их называли куманами, на Руси – половцами. У многочисленных племен кипчаков не было общего хана. Основой их хозяйства было кочевое скотоводство. Время от времени создавались более крупные племенные образования кипчаков. Их западные орды завладели степными пространствами на юге Европы. Одна из битв половцев со славянскими князьями была увековечена в „Слове о полку Игореве” – анонимной старорусской поэме, описывающей поражение правителя Новгорода Северского, который попал в половецкую неволю.

Многие половецкие ханы породнились с русскими князьями. В 1223 году половцы вместе с Русью пытались отбить на реке Калке нападение монголов, стремящихся в Европу.

Монголы завоевали земли кипчаков в первой половине XIII века, а значит, во времена, непосредственно предшествующие экспедиции папских дипломатов за реку Урал, которая тогда называлась Яик. В обиходе она считается границей Европы и Азии, так как соединяет Уральские горы с Каспийским морем. На бывших землях кипчаков монголы создали государство, называемое Золотая Орда. Создал его хан Батый, внук Чингисхана. Тот самый, который напал на

польские земли. Сначала Золотая Орда занимала пространства от Иртыша до Урала. Затем дошла до Волги, укрепилась в предгорьях Кавказа, овладела Крымом. Население Золотой Орды было неоднородным. Составляли его, в числе прочих, предки казахов. Когда Бенедикт Поляк вместе с Джованни дель Карпини отправлялся в историческую первую польскую и первую европейскую экспедицию в Восточную Азию, хан Батый находился на Волге, где вблизи местности Большой Сарай, к северу от Астрахани, заложил фундамент столицы Золотой Орды. Официально она была создана в 1254 году. Посланцы папы римского Иннокентия IV добрались до Большого Сарая несколько раньше. Сопровождаемые от берегов Днепра татарскими проводниками и переводчиками, которых им дали в Каневе 26 февраля, они появились в лагере хана Батыея 4 апреля 1246 года.

Канев представлял собой самый западный плацдарм татаро-монгольского войска, насчитывающего 60 000 воинов. Его предводитель Коренза потребовал даров за предоставление проводников и охрану обоих миссионеров в дальнейшем пути. Как пишет Бенедикт Поляк, посланцы папы римского были к этому готовы. Польские князья и магнаты давали им полезные советы и оказывали помощь, когда путешественники проезжали по их землям.

„Узнав, что нам придется принести там какие-то дары, мы велели купить бобровые и иных зверей меха на то, что нам дали в дорогу на подаяние. Когда об этом узнали князь Конрад и княгиня краковская, тамошний епископ и некоторые из рыцарей много нам таких мехов надавали”.

Без больших приключений они проехали по степям Кумании, то есть по землям половцев, простирающимся между Днепром и Волгой. Ехали целыми днями, с утра до вечера, а иногда и ночью. Как пишут, лошадей они меняли три-четыре раза в сутки. Питались исключительно пшеном и водой. На стоянках они составляли географические опи-

сания мест, где побывали, и близлежащих, рассказы о которых собирали по дороге. При дворе хана Батыея они провели четыре дня. Сложили к его ногам 40 бобровых и 80 барсучьих шкурок. Взамен получили новых переводчиков и проводников. В дальнейший путь они отправлялись, полные опасений: „Со слезами на глазах, не зная, не на смерть ли едут”. Ведь вскоре они должны были попасть в места, где не был еще ни один человек из Западной Европы.

Покинув стоянку хана Батыея, они ехали через сегодняшний Казахстан, часть которого, включающая Прикаспийскую низменность и значительные степные пространства к западу от реки Урал, находится в Европе – доходит почти до Волги. Во времена Бенедикта Поляка на этом пространстве не существовало понятия границы между Европой и Азией. Таким образом, папские послы не знали, когда они оказались на другом континенте. Они только отметили, что через великую степь они движутся еще быстрее, чем до сих пор, меняя лошадей 5-7 раз в день. Обширные земли кангитов они преодолели в течение месяца. Наибольшую тревогу они испытали, когда попали на пустынные пространства, где им докучало отсутствие воды. Позже в своих отчетах они отметили, что многие люди умерли здесь от жажды.

Вот фрагмент их необычайно скрупулезного описания климата и растительности степей:

„В некоторых местах растет немного деревьев, но остальной край совершенно лишен лесов. По этой причине все обогреваются и жарят мясо у костров, разведенных на навозе скота. Воздух в этих краях тоже совершенно неумеренный. В середине лета случаются сильные громы и молнии, а одновременно выпадает там большое количество снега. Случаются также такие могучие бури с сильными ураганами, что иногда люди не могут удержаться на лошадях. Зимой никогда не идет дождь, только летом, хоть в таких

малых количествах, что иногда его едва хватает, чтобы прибить пыль или увлажнить корни трав. Выпадает там часто и град. Летом то вдруг становится безмерно жарко, а потом – снова внезапно – нестерпимо холодно”.

Оба путешественника отличались наблюдательностью, исключительно ценной для историков и этнографов, которые сегодня исследуют жизнь предков современных казахов в степях, сформировавших этот народ. Так они представили, например, быт кочевников, живущих в юртах:

„Их жилища округлые, ловко сделанные из лозы и палок в виде шатра. Но на их вершине, посередине, есть отверстие для входа дневного света и выхода дыма, так как внутри шатра всегда находится костер. Стены покрыты войлоком, двери тоже сделаны из войлока. Некоторые из этих шалашей могут быть быстро разобраны и снова собраны, а перевозятся они на спинах животных. Другие не разбираются, а перевозятся на повозках. И куда бы кочевники ни направлялись, на войну или куда-нибудь еще, они перевозят свои шалаша с собой. Они очень богаты скотом, таким как верблюды, волы, овцы и козы. Они считают, что у них больше жеребцов и кобыл, чем во всем остальном мире”.

Миновав Аральское море, путешественники въехали на земли биссерминов. Этим именем называли племена, которые некогда входили в состав исторического Хорезма, края высокой цивилизации, опирающейся на развитое сельскохозяйственное производство. Феодалное Хорезмское государство, которое существовало около 1500 лет и простиралось до Сыр-Дарьи, в 1220 году пало под напором войск Чингисхана. Бенедикт Поляк и Джованни дель Карпини привели названия нескольких разрушенных и опустошенных городов, мимо которых они проезжали. Это были Янгикент, Орнас и Бархин.

Выбравшись из степных просторов и еще недавно пульсирующих жизнью речных долин, два европейца увидели

перед собой северные склоны гор Тянь-Шаня и Алатау, ныне определяющие границу Казахстана и Китая. Перед этим они со своих верховых лошадей любовались каким-то небольшим морем. Это могло быть озеро Балхаш, в восточной части которого солоноватая вода, или полностью соленое озеро Алаколь. Через перевал, называемый Джунгарскими воротами, они въехали в Монголию. Сегодня здесь проходит железная дорога, а в те времена пролегал конный тракт, ведущий из Центральной Азии в Среднюю Азию.

Обратный путь обоих путешественников снова лежал через земли сегодняшнего Казахстана. Они отправились в дорогу 13 ноября 1246 года. 9 мая 1247 года во второй раз оказались в стойбище хана Батые. Конная езда в зимнее время была значительно более трудной. Только поездка через Казахстан заняла у них полгода. О том, что увидели во время своего путешествия, они в течение недели рассказывали при дворе русских князей Даниила Галицкого и Василька, которые приветствовали их как „людей, возвращающихся с того света”. Потом, как они пишут, „многие люди в Польше, Чехии, Германии, Льеже, Шампани и других местах, через которые мы проезжали”, просили их прочитать записки об их путешествии. И они рассказывали жителям Европы о великих степях и заселяющих их племенах. Записки, сделанные в путешествии, легли в основу рапорта папе римскому, резиденция которого в то время находилась в Лионе. Существуют предположения, что позднее с рапорта было снято несколько копий. Некоторые историки утверждают, что Бенедикт Поляк во время стоянки в Кельне составил собственную версию их отчета, которая сохранилась в двух экземплярах. Джованни дель Карпини включил ее в подписанный собственным именем расширенный текст, который он должен был представить как шеф миссии. Другие исследователи считают, что автором всего отчета был польский францисканец, а его итальянский

товарищ по путешествию только поставил под ним свою подпись.

В 1965 году группа американских ученых из Йельского университета обнаружила и опубликовала неизвестную до тех пор средневековую рукопись, содержащую реляцию об экспедиции итальянца и поляка к монгольскому хану через земли, ранее неизвестные европейцам. Один из ученых, Д. Д. Пейнтер (G.D. Painter), приписал текст монаху Бенедикту. Эта реляция, содержащая множество фактов, касающихся Польши, сейчас хранится в Соединенных Штатах. Другие покоятся в архивах Ватикана. Все ученые, которые занимались исследованиями отчетов обоих путешественников, единодушны в том, что Бенедикт Поляк и Джованни дель Карпини дали первую в европейской литературе реляцию о далеких неизвестных краях Азии, в том числе о землях сегодняшнего Казахстана. Вацлав Слабчиньски, автор книги „Польские путешественники и первооткрыватели” (Паньствова Выдавництво Наукове, Варшава, 1973), кроме этого, заметил, что „благодаря своему многомесячному путешествию на перекладных они дали представление об обширности земель, по которым они проезжали”.

Рапорт Бенедикта Поляка, составленный в Кельне и содержащий сокращенное описание его поездки к монгольскому хану, был опубликован только в 1839 году. Он был издан в Париже вместе с картой конного маршрута, в серии, посвященной великим первопроходческим европейским экспедициям, под названием „Recueil de Voyages et de Mmoires publiй par la Sociетй de Geographie”. В польском переводе он впервые появился в 1840 году, в отрывках, в „Истории польской литературы” Михала Вишневого, профессора Ягеллонского университета. Это было время, когда значительная группа поляков оказалась в Казахстане, при совсем иных, чем монах Бенедикт, обстоятельствах.

В САМОЙ БОЛЬШОЙ ЮРТЕ, ВОКРУГ КОСТРА

Польский романтик Густав Зелиньски за связь с тайной патриотической организацией „Месть Народа”, был сослан в 1834 году, как тогда говорили, „в киргизские степи”. Он поддался очарованию этого края, влюбился в его природу, полюбил свободных пастухов, в их жизни нашел вдохновение для поэтических строк. Его поэма „Киргиз” стала первым в мировой литературе произведением казахской тематики.

Название „Киргиз” относилось тогда как к собственно киргизам, так и к казахам, заселяющим степные пространства на восток от Волги. Герой Густава Зелиньского, названный им Бий, был главой рода, кочующего где-то „между небом и землей”. В краях, где не было дорог, только трава клонила там, „где конь на скаку ее задевал”. Когда верховой скрывался из виду, исчезал за ним и след. В степях жили свободные и гордые люди, в согласии со своими вековыми законами, к которым относился и традиционный закон гостеприимства.

„Гость!.. гость приехал!... Эта весть – как гонец
С конца аула на другой конец

Летит – и занимает всем умы.
Гость!.. гость... одно это такое редкое слово
Потрясает все кочевое стойбище.
Старые и молодые, каждый хлопочет,
И сразу самый жирный баран из отары
В честь прибывшего падает под ножом”.

Густав Зелиньски родился на Куявском Приозерье – в зеленых краях, которые никогда не испытывали недостатка в воде. Его родовое гнездо находилось в Скемпе возле Липно, на территории Польши, аннексированной Россией. Однажды его навестили эмиссары, вербующие добровольцев в партизанские отряды, которые польские эмигранты из Парижа намеревались создать в Польше после разгрома восстания 1830 года. Этого было достаточно для того, чтобы царские власти сослали его в Сибирь. В 1834 году он прибыл в Тобольск, откуда его отправили в Ишим, город, расположенный в азиатской части России, на реке, носящей такое же название, которая берет свое начало в Казахстане. Река Ишим течет по Ишимской степи, по нынешнему пограничью Казахстана и России.

Во время семилетнего пребывания в Ишиме Густав Зелиньски много раз пускался в путешествия вглубь степей. Добрался до Акмолы, которая именно тогда была основана как российская крепость на караванном пути, ведущем из Хивы и Бухары в европейскую часть России. Царская империя заканчивала тогда многолетний процесс присоединения Казахстана к своим сибирским землям.

После распада Золотой Орды, которой правили потомки Чингисхана, в Казахстане образовались новые племенные союзы, которые поглотили, в числе прочих, монгольских каракитаев. Тогда сформировался этнический тип современного казаха с монголоидными чертами лица, говорящего на языке, относящемся к кипчакской группе тюркских

языков. До 1925 года казахов неправильно называли киргизами или киргизами-кайсаками, путая их с сородичами и соседями, называемыми каракиргизами. Окончательное разделение этих двух национальностей произошло с момента создания Казахской Автономной Социалистической Республики, которая в 1936 году была преобразована в Казахскую Советскую Социалистическую Республику. Сейчас Казахстан и Киргизия являются отдельными независимыми государствами.

Путь Казахстана к собственной государственности был долгим. После распада Золотой Орды на рубеже XV и XVI веков образовалось Казанское ханство, которое включало в себя три орды, называемые жузами. Великий жуз (он также назывался Старшим жузом) кочевал по территории Семиречья, в юго-восточной части страны. Средний жуз завладел центральной и северо-восточной частью казахстанских степей. Малый жуз (Младший жуз) расположился в западных степях. Каждый жуз гордился своей самостоятельностью, но все казахские жузы придерживались общей культуры и стиля жизни. Их структуры тоже были идентичны. Они делились на племена, те – на роды, а роды – на аулы, соседствующие территориальные сообщества, пользующиеся землей, находящейся в общей собственности, но сохраняющие частную собственность на скот. Во главе жуза находился хан, верховенство которого признавали султаны. Степная аристократия, которая вела свою генеалогию от Чингисхана, причисляла себя к „белой кости”. Ее предназначением было осуществление властных функций. Рядом с потомками чингисидов (*tore*) к „белой кости” (*ag-sujek*) относились также „ходжи” – потомки Пророка. Нижнюю ступень в казахской иерархии составляли бии. С ними соседствовали тарханы, батыры и баи.

В Ишимских степях гость из Польши впервые оказался среди казахов.

„В самой большой юрте, вокруг костра
Собрался весь киргизский народ.
Толпой занял место на земле.
Бий, глава рода, уселся на войлок,
Старательно расшитый разными узорами;
Гостя посадил возле себя;
А дальше в кружок уселись другие,
Семья Бия и его слуги”.

Поэтические заметки Густава Зелинского содержали бесценные этнографические наблюдения. Они были необычайно образными, представляли собой род зарифмованного репортажа. Польский путешественник пылливо интересовался жизнью, обычаями и легендами казахов. Сам ссыльный, он стал выразителем интересов высоко ценящего свою свободу народа. Поэтому в „Словаре польских путешественников” (Издательство Ведза Повшехна, Варшава, 1992) возле его биографической заметки читаем: „Поэмы Зелинского, хоть и помещены в экзотическую сценографию, являются продолжением его деятельности в Польше. Нетрудно заметить в них сознательную аналогию между жизнью низшего слоя казахов и жизнью польских ссыльных в Сибири, а также всего поработанного польского народа. Не были они свободны и от скрытых антицарских мотивов. По этой причине, как и из-за своих поэтических достоинств, они пользовались в Польше заслуженной популярностью”.

Поэма „Киргиз” была издана в Вильно в 1842 году, после возвращения Густава Зелинского из ссылки. Дважды переведенное на русский язык (в 1857 и 1910 годах), четырежды – на немецкий (1851, 1855, 1858, 1888), позже на

чешский (1863), французский (1878), итальянский и английский, это литературное произведение польского романтика о казахах, населяющих Ишимскую степь, стало модным во многих странах. Можно сказать, что его титульный „Киргиз” триумфально въехал в Европу на страницах книги молодого поляка (Зелиньскому было 25 лет, когда его отправили в ссылку, а свою поэму он издал восемь лет спустя). Герой польского ссыльного ощущал себя свободным человеком, не стремящимся к покорению природы, а живущим в согласии с ней. Пел он о себе так:

„Потому что я родился в степях,
Ветер пустынь меня овевал,
Когда я скакал на коне, чтобы охранять стада...
Все время видны небеса
И степь, блестящая от росы...
Ах... только там и жить, и умирать”.

В начале XVII века на казахов начали напирать русские, которые на западных рубежах их земель построили крепости Яицкий городок (позднее Уральск) и Гурьев. В XVIII веке с востока вольных кочевников пытались закабалить джунгары, которые нападали на них соседнего Китая. Тогда хан Малого жуза вместе с частью султанов Среднего жуза принес присягу на верность России и признал ее верховенство. Это было в 1731 году. Так начался процесс, который российские историки назвали добровольным присоединением Казахстана к России.

Во время путешествия Густава Зелиньского по Ишимской степи казахи бунтовали против русских. Это дало России повод для того, чтобы в 1846 году занять значительную часть Семиречья, где располагалась Великая Орда.

В 1860 году в подчинение Российской империи вошли последние остатки территории Великой Орды, зависимые

от Кокандского ханства. Таким образом, царская империя поглотила весь Казахстан.

Может быть, именно эти события обратили внимание Европы на казахские степи и их жителей? Зелиньски красочно описывал их экзотические обычаи. Законы гостеприимства и мести. Любовь и ненависть. Суровую природу. Стихийную любовь казахов к свободе. Ее разделяли даже их кони.

„Скачет... и внезапно поворачивает назад,
Вспомнив о терпкой неволе,
Опустил голову и идет потихоньку.
Но игра страстей и порывов,
Что красит жизнь в желтый цвет, как осень травы,
И месть... месть... что как змея
Обвивает сердце... конь храпит, фыркает...
Грызет удила, роняет пену... встает на дыбы...
И как блеск, что разгоняет ночных мотыльков,
Рванулся... и полетел как бешеный,
Гонимый адской мыслью наездника”.

Как справлялись с этими строфами европейские переводчики, наряжающие их в колорит слов своих языков? Как они звучат по-казахски? На языке своих героев „Киргиз” вышел только в 1964 году под названием „Казах”. На русский язык поэму Густава Зелиньского переводили два раза. Инициатором ее казахского издания была россиянка, Фаина Стеклова, доцент Казахского государственного университета в Алма-Ате, исследовательница польско-казахских культурных и литературных связей в XIX и XX веке. Она была автором многочисленных публикаций о Густаве Зелиньском., собрала и снабдила критическими комментариями статьи об авторе „Киргиза”, которые публиковались в Польше в XIX веке. Ее публикации

появлялись в изданиях Академии Наук СССР, Украинской Академии Наук, на страницах казахстанской прессы, передавались по Казахскому радио. Певцу Ишимских степей была посвящена программа Казахского телевидения.

На научных конференциях в Киеве, Черновцах и Алма-Ате она, неутомимый популяризатор казахских поэм польского сибирского ссыльного, выступала с циклом лекций о контактах Густава Зелинского с русским поэтом-декабристом Александром Одоевским, который в течение года делил с ним невзгоды в Ишиме. Она установила, что автор „Киргиза” дружил и с выдающимся русским писателем Петром Ершовым, автором „Конька-Горбунка”. На основании дневников Густава Зелинского она изучила круг чтения польского романтика, особенно влияние на его творчество поэзии Александра Пушкина.

Кроме поэмы „Киргиз”, молодой поляк написал „Степи”, где представил красоту природы Казахстана:

„Видел ли ты степи? Когда зимним днем
С севера приползет снежная туча?
И нигде нет укрытия для твоей головы,
Потому что вокруг белая безбрежная пустыня,
А при нарастающем с каждым мгновением ветре
Страшная вьюга затмит воздух?
Видел ли ты степи? Когда весенним днем
С юга потянет приятным ветерком,
А травки, которые таились в земле,
Брызнут – схватят майское дыхание,
И увядшее лоно родительницы
Закроют зеленым убранством молодости?
...Если ты видел это? Склони гордое чело
Перед тем, кто замкнул тебя в круге чудес”.

Поэма „Степи” увидела свет в Познани в 1856 году. Она тоже была переведена на множество языков. В том числе, по инициативе Фаины Стекловой – на казахский. Будучи в 1973 году на VII Международном конгрессе славистов во Вроцлаве, российская исследовательница сказала: „В 1964 году в Алма-Ате на казахском языке, в издательстве „Жазуши”, вышли две поэмы Густава Зелиньского – „Киргиз” и „Степи”. Готовится новый перевод „Киргиза” на русский язык и новый перевод „Степей”.

В Польше Фаина Стеклова подружилась с известным историком литературы периода польского романтизма – **Янушем Одровонжем-Пененжком**.

Именно он обратил внимание на то, что Густав Зелиньски происходил из семьи с глубокими патриотическими традициями. Предки шляхтича с Куяв заседали в сенате Речи Посполитой, играли заметную роль в общественной жизни страны. Дед по матери был генералом и депутатом Четырехлетнего Сейма. Отец, полковник, сражался в восстании под предводительством Тадеуша Костюшко с пруссаками на Нарве. Студентом Варшавского университета будущий поэт участвовал в Ноябрьском восстании (1830 г.). Был сержантом артиллерии. Отличился в битве под Варшавой. В своем вступлении к „Киргизу” и другим поэтическим произведениям” Густава Зелиньского, изданным в 1956 году, будущий директор Варшавского Музея Литературы им. Адама Мицкевича вспоминал, что в XIX веке „Киргиза” читали так же часто, как „Гражину” Мицкевича. „Это одна из наших лучших поэм” – утверждал Антони Эдвард Одынец, филарет, друживший с Мицкевичем. Когда в 1881 году Зелиньски покинул земную юдоль, авторы некрологов писали: „Разошелся по стране шепот, словно вздох: умер автор „Киргиза”. Критик „Тыгодника Повсехного” подчеркивал, что, хоть „Киргиз”